

АНА МИРРА

ПОСЛУШАНИЕ

— MEA CULPA —

18+

Ана Мирра

Послушание

Серия «MEA CULPA», книга 1

<https://litres.ru/74420937>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет — прекрасный возраст, но для Лиоры Блейк он стал проклятием. Избалованная дочь мафиози оказалась сдана отцом в качестве залога в глухой, отрезанный от мира монастырь. Ей приказали быть послушной, но смирение никогда не было её чертой. Лиора привыкла защищаться ядом. Но здесь её «хочу» больше не существует.

В этих стенах правит брат Элиас — наставник в чёрной рясе-броню. Он — её тюремщик и единственный закон. Его цель — сломать её гордость, подчинить её тело и заставить замолчать. Их противостояние — опасная игра на грани, где каждый её дерзкий взгляд становится приглашением. Но когда к воротам обители стянута чёрная машина клана, Элиасу придётся выбирать: отдать долг или сжечь всё прошлое ради девчонки, которая научилась молиться у его ног.

«Книга 1. Финал трилогии полностью перевернет ваше представление о послушании. Продолжение следует».

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Послушание

От автора

"Внимание: Книги цикла "Mea Culpa" написаны в жанре темной романтики. Содержат откровенные сцены сексуального характера (18+) с элементами BDSM, ограничения свободы, контроля звуков, использования тактического холодного и огнестрельного оружия (knife/gun play) и тотального доминирования. Все персонажи вымышлены, а практики выполняются ими на собственный страх и риск. Книга создана исключительно в развлекательных целях, не несет умысла оскорбить чувства верующих и предназначена строго для совершеннолетней аудитории»

Пролог

Элиас

Бог создал ангелов из света, зверей — из тьмы, а человека — из того и другого. Но когда сталь ломает обеты, даже в самом святом месте рождается самый сладкий грех.

— *(Старинная монастырская притча)*

Воздух в келье был густым. Ладан, оружейное масло и она. Лиора лежала лицом вниз на столе. Серое платье задрано до талии. Руки связаны шнуром от моей рясы. Пальцы белые от того, как сильно она вцепилась в край столешницы. Дышала рвано, почти беззвучно. Но тело выдавало её полностью.

Я держал её на месте одной ладонью. Второй — нож. Лезвие легло ей на шею. Холодное. Точное. Она вздрогнула, но не закричала. Умная девочка. Уже поняла, что крик здесь ничего не даст.

— Тише, — сказал я ей в ухо. Голос вышел ниже, чем я планировал. — Ты сама пришла. Сама переступила порог.

Она попыталась что-то сказать. Я усилил давление ладони на пояснице, и слова превратились в сдавленный выдох.

Нож медленно скользнул вниз по позвоночнику. Кожа под сталью покрылась мурашками. Я видел, как она выгибается — не от боли. От другого.

— Смотри на себя, — тихо произнёс я. — Губы дрожат. Глаза мокрые. А между ног уже мокро. Тело сдалось раньше, чем рот.

Она вспыхнула. Даже затылок покраснел. Гордость у этой девчонки была огромной. Именно поэтому ломать её было так сладко.

Я перехватил её запястья ту же и наклонился ниже.

— Теперь ты моя, Лиора. И пока я буду тебя брать, ты будешь молчать. Это первое правило.

Она дёрнулась. Слабо. Скорее для вида. Ей было двадцать, она давно перешагнула порог совершеннолетия, но сейчас, под моей ладонью, эта строптивая девчонка впервые казалась по-настоящему беззащитной. Я усмехнулся ей в шею и толкнулся вперёд.

Три месяца назад..

Глава 1

Лиора

Ливень издевался. Холодный, злобный, бесконечный. Я стояла у капота отцовской машины и смотрела, как красные фонари растворяются в тумане. Он даже не попрощался нормально. Просто вытолкнул и уехал.

«Будь послушной, если хочешь выжить».

Я бы рассмеялась, если бы зубы не стучали.

Платье прилипло к телу. Волосы тяжёлыми прядями лезли в глаза. Но я всё равно держала подбородок высоко. Пусть этот чёртов монастырь видит, что Блейки не падают на колени с первого раза.

Ворота скрипнули.

Он вышел медленно. Высокий, широкий, в чёрной рясе, которая на нём выглядела скорее как броня, чем как одежда святого. Шёл так, будто земля под ногами была обязана подождать.

Остановился в двух шагах. Тень накрыла меня целиком.

— Лиора Блейк?

Голос низкий. Спокойный. С металлом.

Я усмехнулась, несмотря на холод.

— А вы местный святой отец? Или просто человек, которому заплатили, чтобы я здесь сгнила красиво?

Он молчал пару секунд. Потом стянул капюшон.

Серые глаза. Шрам через бровь. Щетина. И взгляд, от которого внутри всё сжалось — не от страха. От чего-то гораздо хуже.

— Меня зовут брат Элиас. Я твой наставник.

— Наставник, — протянула я. — Красивое слово. На деле просто тюремщик с чётками?

Он сделал шаг ближе. Воздух стал тяжёлым.

— В этих стенах твоего «хочу» больше не существует. Только мои правила. Первое — ты подчиняешься.

Я рассмеялась. Коротко и зло.

— Даже чай не предложили. Сразу к делу. Как мило, брат Элиас. Очень по-христиански.

Его челюсть чуть напряглась. Почти незаметно. Но я заметила.

— Телефон. Отдай.

— Нет.

Он не стал повторять. Просто взял запястье. Жёстко, точно, без лишней боли. Второй рукой спокойно открыл сумку, вытащил телефон и убрал в карман рясы.

Я дёрнулась.

— Вы только что украли единственную связь с миром. Это тоже входит в обеты? Или совесть вы сняли вместе с рясой на ночь?

Он наклонился. Близко. Запах дождя, ладана и железа.

— Со мной не спорят, Лиора, — сказал тихо. — Запомни этот стыд. Он тебе ещё пригодится.

Я смотрела ему прямо в глаза и улыбнулась той самой улыбкой, которой раньше бесила отца.

— О, запомню. Особенно то, как «святой отец» первым делом лезет девчонке в сумку. Очень духовно. Наверное, в следующем уроке будет «как правильно воровать у послушниц».

На долю секунды в его глазах вспыхнуло что-то тёмное. Раздражение. И голод.

Он отпустил руку, развернулся и бросил через плечо:

— Идём. Пора узнать, что такое настоящее послушание.

Я шла за ним по скользким плитам, промокая, злая и всё ещё слишком живая.

И уже тогда поняла: этот человек будет пытаться сломать меня.

А я буду кусаться за каждое его слово.

Глава 2

Лиора

"Тогда вам придется много раз меня наказывать, брат Элиас. Потому что рот у меня закрывается очень плохо"

— Лиора

Внутри монастырь встретил меня тишиной, от которой звенело в ушах. Воздух был тяжёлым — пыль, сырой камень и ладан. Слишком много ладана. Будто здесь пытались перебить чем-то другим, более грязным.

Элиас шёл впереди. Широкий, молчаливый, в этой чёрной рясе, которая на нём выглядела как издёвка над самой идеей смирения. Я шлёпала босиком по ледяным плитам, промокшее платье липло к бёдрам, и каждый шаг отдавался в зубах.

Он остановился у массивной двери, толкнул её и кивнул внутрь.

— Жди здесь. Ничего не трогай. Принесу тебе сухую одежду.

Дверь закрылась. Глухо. Окончательно.

Я осталась одна.

Комната была не похожа на келью монаха. Стеллажи с книгами, тяжёлый стол, идеальный порядок... и в углу — запертый оружейный шкаф. Очень мило. Святой отец явно не ограничивался молитвами.

Я обхватила себя руками, пытаюсь согреться, и уже собиралась сесть, когда взгляд зацепился за спутниковый телефон на краю стола. Чёрный, дорогой, совершенно чужой этому месту.

Экран вспыхнул.

Два сообщения.

Я наклонилась ближе, чувствуя, как холодок ползёт по спине.

«Товар доставлен в глушь. Держи на коротком поводке, Элиас. Мафия роет носом землю...»

«Копы начали копать под старый бизнес. Убедись, что твоя база надёжно укрыта.»

«Товар».

Я.

Кровь ударила в виски. Отец привёз меня не в монастырь. Он сдал меня человеку, который явно по уши в дерьме. И этот человек теперь решал, живу я или нет.

Половица за спиной тихо скрипнула.

— Я, кажется, ясно сказал: ничего не трогай.

Голос был совсем близко. Низкий. Холодный.

Я резко обернулась. Элиас стоял в двух шагах, держа стоп-

ку серой ткани. Его глаза скользнули по светящемуся экрану, потом медленно поднялись на моё лицо. Он понял. Конечно, понял.

— Кто это? — спросила я. Голос предательски дрогнул, но я заставила его звучать твёрже. — «Товар»? «Мафия»? Вы вообще кто такой, брат Элиас? Святой отец или просто бандит в рясе?

Он швырнул одежду на стул. Движение было резким.

Сделал шаг. Ещё один. Теперь между нами почти не осталось воздуха. От него пахло дождём, ладаном и чем-то металлическим.

— Ты слишком любопытна для той, кто пытается выжить, — сказал он тихо. — Твой отец спрятал тебя здесь, потому что за этими стенами я — единственный закон. И если я говорю «молчи», ты молчишь.

Я усмехнулась. Зло. Прямо ему в лицо.

— О, закон. Как удобно. Ряса, четки и полный карт-бланш на то, чтобы воровать телефоны и пугать девчонок ножом. Очень духовно, правда?

Его глаза чуть сузились.

Я не остановилась.

— Или вы уже забыли, как это — быть человеком, а не ходячим обетом? Потому что пока вы выглядите просто как очень злой мужчина, которому слишком долго не давали.

Воздух между нами стал тяжёлым.

Элиас медленно наклонился. Его губы почти коснулись

моего виска.

— Продолжай, — тихо сказал он. — Ещё немного. Мне нравится, когда ты сама просишь, чтобы я тебя заткнул.

Я замерла.

Он выпрямился, достал из кармана нож и щёлкнул. Лезвие тускло блеснуло. Он не приставил его к горлу. Просто держал так, чтобы я видела.

— С этой секунды забудь, кем ты была в городе, Лиора. Каждое твоё острое словечко будет иметь цену. Я не люблю повторять дважды.

Я смотрела на лезвие, потом на него, и всё равно улыбнулась. Криво, зло, почти истерично.

— Тогда вам придётся много раз меня наказывать, брат Элиас. Потому что рот у меня закрывается очень плохо.

На долю секунды в его глазах вспыхнуло что-то опасное. Не просто раздражение. Настоящий голод.

Он убрал нож, кивнул на серую одежду и сказал ровно:

— Переодевайся. Медленно. И без лишних слов.

Я взяла ткань дрожащими пальцами.

И уже тогда поняла: этот человек будет ломать меня системно.

А я буду давать ему поводы делать это снова и снова.

Глава 3

Элиас

"Кусайся. Мне нравится, когда ты это делаешь"

— *Элиас*

Она стояла посреди кабинета в сером платье послушницы и смотрела на меня так, будто я лично оскорбил весь её род.

Платье было большим. Воротник топорщился, рукава закрывали пальцы. Она всё равно умудрялась выглядеть вызывающе. Подбородок вздёрт. Губы сжаты. В глазах — чистый яд.

Я закрыл дверь и опёрся спиной о косяк.

— На тебе это выглядит почти прилично, — сказал я. — Почти.

Она медленно подняла брови.

— А на вас ряса выглядит как плохая маскировка. Человек, который привык, что перед ним расступаются, вдруг решил стать смиренным. Трогательно.

Я чуть склонил голову. Умная. Слишком умная для своего

положения.

— Ты прочитала сообщения, — спокойно произнёс я. — Значит, теперь знаешь достаточно, чтобы держать рот на замке.

Она усмехнулась. Коротко, зло.

— «Товар». Как мило. Вы с моим отцом обсуждаете меня как мешок с деньгами? Или как просроченный груз, который нужно где-то сгрузить?

Я оттолкнулся от двери и медленно подошёл. Она не отступила. Только сильнее вцепилась пальцами в ткань на бёдрах.

— Твой отец привёз тебя сюда, потому что за эти стены не сунутся даже те, кто его ищет, — сказал я тихо. — А я согласился тебя взять, потому что мне было удобно. Не начинай строить из себя невинную жертву. Ты здесь не потому, что я добрый. Ты здесь, потому что я так решил.

Она наклонила голову набок, и в голосе появилась ядовитая сладость:

— О, так вы ещё и решаете. Ряса, чётки и полный карт-бланш. Скажите, обеты вы тоже «временно» сняли? Или просто забыли их где-то там, где вас научили так ходить и так смотреть на людей?

Я остановился в шаге от неё. Близко. Достаточно близко, чтобы она почувствовала разницу в росте.

— Продолжай, — сказал я почти мягко. — Мне нравится, как ты сама просишь, чтобы тебя поставили на место. Боль-

шинство на твоём месте уже дрожали бы. Ты предпочитаешь языком работать. Храбро. Глупо. Но храбро.

Она вспыхнула, но взгляд не опустила.

— А вы предпочитаете пугать ножом и воровать телефоны. Очень благородно. Наверное, в том месте, где вас учили, за это хвалили.

Я медленно улыбнулся. Холодно.

— В том месте, где меня учили, за меньшее ломали пальцы. Хочешь проверить, насколько я разучился?

Она замолчала на секунду. Потом тихо, почти шёпотом, но с той же ядовитой улыбкой:

— Боюсь, брат Элиас, ряса плохо скрывает некоторые ваши... реакции. Особенно когда девчонка открывает рот.

Удар пришёлся точно.

Я сделал ещё полшага. Теперь она была вынуждена чуть запрокинуть голову.

— Ещё одно такое слово, — сказал я очень тихо, — и я покажу тебе, насколько плохо эта ряса что-то скрывает. И ты будешь смотреть. Молча. На коленях. Поняла?

Она сглотнула. Но улыбка никуда не делась.

— Поняла, — ответила она. — Вы угрожаете. Я запомнила. Можно идти ужинать или вы сначала прочтёте мне проповедь о смирении?

Я смотрел на неё долго.

Эта девчонка была хуже, чем я ожидал. Острее. Дерзче. И гораздо опаснее для того самоконтроля, который я так ста-

рательно строил годами.

Я развернулся и открыл дверь.

— Иди. Ужин через десять минут. Опоздаешь — будешь есть на полу. У моих ног.

Она прошла мимо, чуть задев плечом мой рукав, и бросила через плечо:

— Как романтично. Святой отец и его голодная послушница. Прямо готовый сюжет для исповеди.

Дверь за ней закрылась.

Я остался один, сжал челюсть и медленно выдохнул.

Она кусалась.

И мне это уже начинало нравиться слишком сильно.

Глава 4

Лиора

Утром монастырь оказался совсем не пустым.

Я шла по длинной галерее следом за Элиасом и впервые видела, что за высокими стенами живут люди. Пожилой монах с согнутой спиной молча подметал плиты, не поднимая глаз. Две женщины в серых платках несли корзины с бельём и при виде Элиаса мгновенно прижимались к стене, будто он был не человеком, а ходячим приказом. Молодой послушник лет девятнадцати нёс охапку дров и едва не споткнулся, когда наш взгляд случайно встретился. Он сразу уставился в пол.

Все здесь боялись старшего брата. Или уважали так сильно, что это было неотличимо от страха.

Элиас шёл впереди, не оборачиваясь. Ряса двигалась тяжело, плечи закрывали почти весь проход. Я плелась сзади в своём новом сером платье и чувствовала на себе чужие взгляды. Короткие. Испуганные. Любопытные.

В трапезной пахло кашей и дешёвым чаем. За длинными столами сидели человек пятнадцать. Кто-то шептался, кто-то молча хлебал из мисок. Когда мы вошли, разговоры обо-

рвались.

Элиас кивнул на свободное место в конце стола.

— Садись. Ешь. Потом пойдёшь со мной.

Я села. Каша была пресной, чай — почти водой. Но после вчерашнего холода и нервов даже это казалось едой богов. Я ела молча, чувствуя, как несколько пар глаз то и дело скользят в мою сторону.

Рядом со мной села одна из женщин — лет сорока, с жёстким лицом и натруженными руками. Она подвинула мне кусок хлеба и тихо, почти не шевеля губами, сказала:

— Не смотри на него прямо. И не спорь. Здесь так проще.

Я подняла глаза.

— А если спорить всё равно хочется?

Женщина чуть заметно тряхнула головой и вернулась к своей миске. Разговор был окончен.

Элиас сидел в другом конце стола, спиной к стене. Он не ел. Просто пил чай и смотрел на меня поверх чашки. Спокойно. Тяжело. Как человек, который уже решил, что будет делать с тобой после завтрака.

Когда трапеза закончилась, он встал. Все остальные тоже поднялись — будто по невидимому сигналу. Никто не ушёл, пока он не кивнул.

В коридоре он остановился и посмотрел на меня сверху вниз.

— Сегодня ты будешь помогать на кухне. Потом — в библиотеке. Разговаривать с кем-либо без моего разрешения за-

прещено. Поняла?

Я улыбнулась ему прямо в лицо. Ядовито.

— А если я случайно спрошу, где здесь туалет? Это тоже будет нарушением устава, брат Элиас? Или за это сразу ремень?

Его глаза чуть сощурились.

— Продолжай в том же духе, — сказал он тихо. — Мне как раз нужно было напоминание, почему я не люблю, когда мне дерзят с утра.

Он развернулся и пошёл. Я последовала за ним, чувствуя, как за спиной снова шепчутся.

Монастырь был живым.

И все в нём уже знали: новая послушница попала под особое внимание старшего брата.

А это никогда не заканчивалось хорошо.

Глава 5

Элиас

Я стоял у окна своей кельи и смотрел, как она работает на кухне.

Лиора Блейк. Двадцать лет. Дочь человека, который украл у моей семьи больше денег, чем большинство людей видит за всю жизнь. Девочка, которую отец сдал мне как залог, а потом умер, оставив меня с проблемой. И с ней.

Она стояла у большого деревянного стола и чистила картофель. Движения были резкими, почти злобными. Нож в её руке двигался слишком быстро. Серое платье послушницы сидело на ней мешковато, но всё равно не скрывало ни тонкую талию, ни линию бёдер. Волосы она собрала в низкий хвост, и несколько прядей выбились, липли к шее. Каждый раз, когда она наклонялась, воротник чуть сползал, открывая ключицы.

Я наблюдал уже двадцать минут.

На кухне кроме неё были две женщины — Марфа и старая Агафья. Обе работали молча, старательно не глядя в её сторону. Они знали. Все здесь уже знали. Новая девчонка под моим личным контролем. А это означало одно: не лезть. Не

разговаривать. Не жалеть.

Лиора подняла голову и вдруг посмотрела прямо на окно. На меня.

Она не могла меня видеть сквозь грязное стекло и угол, но всё равно смотрела так, будто чувствовала. Потом медленно, нарочито медленно, подняла средний палец.

Прямо в мою сторону.

Я чуть наклонил голову. Интересно.

Она вернулась к картофелю, но уголок её рта дрогнул. Довольная собой.

Я отступил от окна, взял со стола чётки и медленно перебрал несколько бусин. Дерево было гладким, тёплым от постоянных прикосновений. Когда-то эти чётки принадлежали настоящему монаху. Теперь они были просто удобным предметом в моих руках. Как нож. Как ремень. Как она.

В дверь постучали.

— Войдите.

Молодой послушник Игнат зашёл, держа глаза опущенными. Парень дрожал каждый раз, когда оказывался со мной наедине. Полезно.

— Брат Элиас... там... внизу... женщина из деревни. Привезла пожертвование. Просит исповеди.

— Пусть ждёт в притворе. Я спущусь через десять минут.

Игнат кивнул и почти выбежал.

Я ещё раз глянул в окно. Лиора уже закончила с картофелем и теперь мыла огромный котёл. Рукава засучены до

локтей. Вода блестела на её предплечьях. Она что-то сказала Марфе, и женщина резко отрицательно мотнула головой, глядя вниз. Лиора пожала плечами и продолжила мыть, будто ей было абсолютно всё равно.

Она не боялась. Или боялась, но предпочитала кусаться. Это было хуже.

Я спустился вниз. В притворе сидела пожилая женщина с платком, держа в руках корзину с яйцами и банкой мёда. Она встала, когда увидела меня, и низко поклонилась.

— Отец... простите... муж совсем плох. Не ходит уже. Думал, может, вы...

Я выслушал её. Коротко. Дал то, что от меня ждали — несколько слов, которые звучали как утешение, но ничего не обещали. Взял пожертвование. Кивнул. Женщина ушла, крестясь.

Когда я вернулся в основное здание, Лиора уже заканчивала на кухне. Марфа что-то шепнула ей и показала глазами в мою сторону. Лиора вытерла руки о фартук и медленно повернулась.

— Брат Элиас, — произнесла она с преувеличенным почтением. — Кухня сияет. Картофель очищен. Котёл почти святой. Можно мне теперь помолиться о прощении за то, что я существую, или сразу идём в библиотеку?

Марфа сделала вид, что её здесь нет, и быстро ушла в кладовую.

Я подошёл ближе. Остальные послушники в коридоре то-

же предпочли раствориться.

— Ты сегодня утром показала мне средний палец, — сказал я тихо. — Через окно.

Она даже не моргнула.

— Правда? Какая неосторожность. Наверное, это был жест благодарности за прекрасный завтрак и тёплый приём.

Я смотрел на неё несколько секунд. Потом медленно улыбнулся.

— Иди в библиотеку. Сейчас. И молчи по дороге.

Она наклонила голову, изображая послушание, и прошла мимо. Но когда поравнялась со мной, тихо, почти неслышно добавила:

— А если я по дороге случайно заговорю с кем-нибудь... вы будете очень расстроены, да?

Я поймал её за запястье. Не сильно. Просто остановил.

— Если ты по дороге с кем-нибудь заговоришь, — сказал я ей в самое ухо, — то вечером будешь стоять в моей келье на коленях и считать, сколько раз я позволю тебе сделать вдох. Поняла?

Она подняла глаза. Зрачки расширились. Но улыбка осталась.

— Поняла, брат Элиас. Вы очень творчески подходите к духовному воспитанию.

Я отпустил её руку.

Она ушла. Спина прямая. Шаги слишком лёгкие для человека, которого только что предупредили.

Я остался в пустом коридоре и медленно выдохнул.

Эта девчонка была проблемой. Не потому что она была дочерью должника. А потому что каждый раз, когда она открывала рот, мне хотелось сделать с ней вещи, за которые меня когда-то отлучили бы от церкви. Если бы я когда-нибудь действительно к ней принадлежал.

Я пошёл следом. Не сразу. Дав ей фору в две минуты.

Библиотека находилась в старом крыле. Высокие окна, пыль, запах старой бумаги и кожи. Лиора уже стояла у одного из стеллажей и проводила пальцем по корешкам, будто выбирала, что ей будет интересно. Когда я вошёл, она даже не обернулась.

— Здесь есть что-нибудь запрещённое? — спросила она.

— Или только жития святых и правила, как правильно молчать?

— Ты будешь протирать полки, — ответил я. — Все. Сверху донизу. Пыль не должна остаться.

Она наконец повернулась. В руках у неё уже была тряпка, которую ей, видимо, дала Марфа.

— А вы будете стоять и смотреть, как я тру? — спросила она. — Или у святого отца есть дела поважнее, чем следить за послушницей с тряпкой?

Я закрыл дверь библиотеки и встал, прислонившись к ней спиной.

— Буду смотреть, — сказал я просто. — Начинай.

Она несколько секунд смотрела на меня. Потом пожала

плечами, забралась на низкую стремянку и начала работать. Движения были нарочито медленными. Каждый раз, когда она тянулась вверх, платье обтягивало бёдра. Она знала. Конечно, знала.

Я стоял и смотрел.

Прошло, наверное, минут двадцать, прежде чем она снова заговорила. Не обернувшись.

— Скажите, брат Элиас... вам никогда не бывает скучно? Целыми днями следить, чтобы одна девчонка правильно дышала и не разговаривала с кухарками. Не слишком мелкозато для человека, который... ну... явно умеет вещи посерьёзнее?

Я молчал.

Она продолжила, голос стал чуть ниже, почти задумчивым:

— Потому что если честно... вы выглядите как человек, которому когда-то было очень тепло от чужой крови. А теперь вы пытаетесь согреться чужим страхом. Это работает?

Я медленно оттолкнулся от двери и подошёл ближе. Она всё ещё стояла на стремянке, спиной ко мне. Я остановился прямо за её спиной. Достаточно близко, чтобы она почувствовала тепло.

— Слезь, — сказал я.

Она замерла. Потом медленно спустилась. Когда повернулась, между нами оставалось меньше шага.

— Я задала вопрос, — тихо произнесла она. — Вам не

обязательно отвечать. Можете просто снова достать нож. Это у вас хорошо получается.

Я смотрел на неё сверху вниз. На слегка приоткрытый рот. На то, как быстро вздымается грудь. На то, как она всё ещё держит тряпку, будто это оружие.

— Ты хочешь знать, скучно ли мне? — спросил я очень тихо. — Нет. Мне не скучно. Мне интересно, сколько ещё тебе потребуется времени, чтобы понять: каждый твой язвительный рот — это не защита. Это приглашение.

Она сглотнула, но не отступила.

— А вы всегда так отвечаете на приглашения? Стоите слишком близко и говорите низким голосом?

Я наклонился к её уху.

— Нет. Обычно я принимаю их.

Она дрогнула. Едва заметно. Но я почувствовал.

Я выпрямился и отошёл на шаг.

— Продолжай протирать. До вечера. Потом придёшь ко мне в келью. Будем обсуждать, как именно ты сегодня нарушила правило «не разговаривать».

Она стояла неподвижно ещё несколько секунд. Потом тихо, почти беззвучно выдохнула:

— Как мило. Личный разговор с наставником. Надеюсь, вы приготовили проповедь.

Я уже шёл к двери, когда она добавила громче:

— И, брат Элиас... если будете смотреть в окно ещё раз — хотя бы улыбнитесь в ответ. Средний палец любит взаим-

ность.

Я не обернулся.

Но уголок рта всё-таки дрогнул.

Когда дверь библиотеки закрылась за мной, я остановился в коридоре и прикрыл глаза.

Она была опасной. Не потому что могла сбежать. А потому что каждый раз, когда она открывала рот, мне хотелось заставить её замолчать самым грязным из возможных способов.

И чем дольше она сопротивлялась, тем сильнее мне этого хотелось.

Я медленно прошёл по галерее, кивая молчаливым монахам, которые расступались передо мной. Всё в этом монастыре принадлежало мне. Стены. Люди. Тишина.

И теперь — она.

Оставалось только решить, как именно я буду её ломать. Медленно. И с большим удовольствием.

Глава 6

Лиора

Я протираю полки до тех пор, пока пальцы не начали ныть, а в носу не поселилась вечная монастырская пыль. Элиас ушёл через полчаса после нашего разговора, но ощущение, что он всё ещё стоит за спиной, никуда не делось. Каждый раз, когда я наклонялась, мне казалось, что он вот-вот появится в дверях.

К обеду меня отпустили в трапезную.

Снова длинный стол, пресная еда, чужие глаза. Марфа села рядом, но в этот раз даже не попыталась заговорить. Только молча пододвинула хлеб. Я поняла намёк: сегодня лучше не рыпаться.

Элиас сидел на своём месте у стены. Ел мало. Больше смотрел. Когда наши взгляды пересеклись, я медленно, очень медленно облизала ложку. Он не моргнул. Просто продолжал смотреть. Тяжело. Предвкушающе.

После обеда меня снова отправили в библиотеку.

К вечеру руки уже дрожали от усталости, а серое платье прилипло к спине. Когда за окнами совсем стемнело, дверь открылась.

— Хватит, — сказал Элиас. — Идём.

Я спустилась со стремянки, отряхнула руки и подошла к нему ближе, чем требовалось. Почти вплотную. Пришлось запрокинуть голову.

— Уже? А я думала, вы хотите, чтобы я до ночи пыль глотала. Какое разочарование.

Он смотрел сверху вниз. В серых глазах не было ни злости, ни раздражения. Только спокойная, тяжёлая концентрация.

— Ты весь день нарушала правила, — сказал он тихо. — Разговаривала. Смотрела. Поднимала платье. Подходила слишком близко. Теперь пойдём и подведём итоги.

Я улыбнулась. Криво.

— О, личная исповедь. Надеюсь, вы приготовили ремень. А то без него какая же это духовная беседа.

Он не ответил. Просто развернулся и вышел. Я пошла следом.

Коридоры уже были почти пустыми. Лишь один старый монах прошёл мимо, низко склонив голову. Элиас вёл меня не в сторону общих келий. А вверх. В своё крыло.

Его келья оказалась больше, чем я представляла. Широкая кровать с жёстким матрасом, тяжёлый стол, распятие на стене, оружейный шкаф в углу. И запах — ладан, дерево, железо и он.

Он закрыл дверь. Щелчок замка прозвучал слишком громко.

Я остановилась посреди комнаты, скрестив руки.

— Ну? Начинайте проповедь, брат Элиас. Или сразу к практике?

Он медленно снял чётки с шеи, положил их на стол и повернулся ко мне. Ряса делала его ещё больше. Плечи закрывали половину комнаты.

— Платье, — сказал он. — Сними.

Я подняла брови.

— Прямо сейчас? Без ужина и свечей? Вы не очень-то романтичны.

— Платье, Лиора. Или я сниму его сам. И тебе это понравится гораздо меньше.

Я молчала несколько секунд. Потом взялась за край ткани и медленно, очень медленно потянула её вверх. Сначала до колен. Потом выше. Он не отводил глаз. Когда ткань прошла бёдра, я сделала паузу, глядя прямо на него.

— Дальше сами или мне продолжить?

— Продолжай.

Я стянула платье через голову и бросила его на пол. Осталась в тонкой монастырской рубашке и трусах. Холодно. Но я не прикрылась.

Элиас подошёл. Медленно обошёл меня по кругу. Я чувствовала его взгляд на лопатках, на талии, на бёдрах. Когда он остановился за спиной, его пальцы коснулись моего затылка и собрали волосы в кулак. Не больно. Но жёстко.

— Ты весь день меня дразнила, — сказал он низко мне в шею. — Средний палец. Подол. Нагибалась так, будто хоте-

ла, чтобы я посмотрел. Подходила вплотную. Думала, я просто буду терпеть?

Я сглотнула, но голос всё равно попыталась сделать лёгким.

— А вы разве не терпели? Стояли, смотрели и ничего не делали. Очень сдержанно для человека, который обещал поставить меня на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.